

МАРИНА СОБОЛЕВСКАЯ

О БОРИСЕ НИКОЛАЕВИЧЕ САДОВСКОМ

Бориса Николаевича Садовского я увидела первый раз, когда была школьницей. Он приходил в 58 школу, где я училась, и читал лекции. Насколько я помню, лекции были о логике. Несколько позже студенты и разные молодые математики, с которыми я познакомилась на Воронежских Зимних школах, о нем много говорили, как о человеке, доказавшем одну из наиболее ярких теорем в истории воронежской математики. Я имею в виду терему о неподвижной точке для уплотняющего отображения. Я, конечно, не могла ее понять будучи студенткой младших курсов, а о чем идет речь узнала уже курсе на третьем. Эта теорема сделала его знаменитым еще в молодые годы. Это очень известный результат в бесконечномерной топологии. Мне кажется, что любой математик был бы счастлив, если бы ему выпало доказать теорему такого типа. В самом деле она важная, касается задач, о которых многие в то время думали. Кроме того она нетривиальна и, наконец, ее доказательство "съедобно", то есть не требует тяжелых усилий, чтобы его понять. Еще теорема Садовского очень "воронежская" - она очень хорошо характеризует развитие воронежской математики 70 годов и безусловно входит в золотой фонд того, что было сделано в кругу Красносельского. Учась в аспирантуре я была счастлива что Борис Николаевич согласился быть моим руководителем.

Борис Николаевич по-прежнему работал в области неподвижных точек и их применений в дифференциальных уравнениях, но работал как "солдат", а не как "генерал", то есть искал новые направления, новые постановки, новый язык. Мы занимались тогда теорией электрических цепей с тиристорами. Для их описания мы использовали дифференциальные уравнения и ... логику. Тогда в 80-ых это был совсем новый и непривычный подход к такого рода задачам. Не очень много людей эти подходы понимали. Даже в моей семье, от своего мужа я часто слышала скептические оценки нашей деятельности. Спустя много лет, познакомившись с такими математиками, как Ильяшенко, Дюмортье, Россари и Паназоло я поняла, что нам с Борисом Николаевичем не хватало совсем немного до того, чтобы открыть так называемые о-минимальные структуры. В наше время о-минимальные структуры - это очень популярное направление в геометрии, динамике и даже в теории чисел. А сам Борис Николаевич никогда не думал о "математической моде". Он просто занимался тем, что было ему интересно и был готов изучать новые и непривычные для него вещи, лишь бы они были полезны для продвижения в его задачах.

Я была студенткой и аспиранкой Бориса Николаевича и мне посчастливилось с ним много общаться. Сейчас я с удовольствием вспоминаю наши разговоры. Его главная черта как руководителя была в том, что ему было не жалко времени на меня и других аспирантов. Я часто "приносила" ему попытки "доказательств" наших гипотез. Могу представить себе, сколько чистой ерунды ему пришлось от меня выслушать. Он выслушивал с глубоким терпением, потом разбивал или исправлял и делал это совсем необидно - совсем без естественного в такой ситуации менторского тона или насмешек. Поэтому разговаривать хотелось снова и снова. В его присутствии думалось легче. Разговоры с ним вдохновляли. Может быть и поэтому у него были студенты и аспиранты, которые занимались вещами весьма далекими от темы самого Бориса Николаевича. Например, Фима Шварцман занимался маломерной топологией, а Аля Родкина - теорией вероятности.

Я не перестала общаться и разговаривать с Борисом Николаевичем, когда уже жила в Бразилии. При устройстве здесь на работу мне неоднократно приходилось к нему обращаться по поводу рекомендательных писем, разного рода документов из Университета. Тут есть одна забавная деталь. Писание рекомендательных писем или отзывов - это работа, которую можно делать хорошо или плохо. Причем, за хорошую работу наказывают - продолжают обращаться снова и снова, а за плохую или недобросовестную поощряют - оставляют в покое и уже не обращаются. Так вот, Борис Николаевич был мною неоднократно "наказан" - я к нему обращалась много раз и даже не только по своему поводу.

Еще одна важная черта Бориса Николаевича - это его независимость. Я имею в виду независимость суждений. Он сам составлял мнение о людях и вел себя в соответствии с этим мнением. И поэтому на него всегда можно было положиться. Есть люди которым свойственна некоторая неуверенность в себе. Они могут менять свою позицию в зависимости от того, ... да мало ли в зависимости от чего. Типа: начальник не утвердил, друг посоветовал. А вот Борис Николаевич так не делал никогда. Уж если он решил кого-то поддержать, то уж будьте уверены, дело свое он сделает и постарается довести до конца, насколько это возможно.

Очень печально, что Бориса Николаевича не стало так рано. До сих пор трудно поверить, что его уже нет. Я счастлива, что судьба свела меня с этим человеком. Это было и будет одним из моих лучших воспоминаний.